

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Андрей Юрьевич Митрофанов

Время Анны Комниной

Монография

Санкт-Петербург
Издательство СПбДА
2021

УДК 94(495).03

ББК 63.3(0)4

М67

Допущено к распространению
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р21-104-0073

Рекомендовано к публикации
Научным советом Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви
Выписка из Протокола № 7 от 26.02.2021 г.

Рецензенты:

Александр Георгиевич Еманов — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, истории древнего мира и средних веков Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета

Владимир Михайлович Тюленев — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета

Митрофанов А. Ю.

М67   *Время Анны Комниной* : монография / Андрей Юрьевич Митрофанов ; Санкт-Петербургская духовная академия. — СПб. : Изд-во СПбДА, 2021. — 384 с.

ISBN 978-5-906627-85-8

Монография посвящена отражению царствования Алексея I (1081–1118) и его эпохи в «Алексиаде» — главном сочинении его дочери Анны Комниной (1083–1153/1154), ставшем ее своеобразным политическим завещанием племяннику императору Мануилу I Комнину, и, в то же время, оппозиционным манифестом, направленным против его пролатинской политики.

В монографии ставится вопрос о возможном монгольском происхождении династии Великих Сельджукидов. Также подробно исследуются фрагменты «Алексиады», посвященные феномену византийского самозванчества, воспринятого русской политической культурой и проявившегося в период Смутного времени.

В книге исследуется состояние описанных Анной армии Византийской империи и норманских отрядов. Делается вывод о латинизации византийской военной аристократии в эпоху императора Алексея I Комнина.

Рекомендуется преподавателям и студентам богословских и светских вузов, а также всем интересующимся историей Византии.

УДК 94(495).03

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-906627-85-8

© Издательство Санкт-Петербургской
Духовной Академии, 2021

Тревожный обломок старинных потемок,
Дитя позабытых народом царей,
С мерцанием взора на зыби Босфора
Следит беззаботный полет кораблей...

Николай Гумилев

Предисловие

Проникновенные строки Николая Гумилева, цитированные выше, могли бы стать прекрасным эпитафием к настоящей книге, посвященной различным аспектам творчества византийской принцессы Анны Комниной — одного из крупнейших историков, которых породила когда-либо византийская цивилизация. Прекрасная и грациозная принцесса вглядывается в синеву вод Босфора и следит за императорскими, венецианскими, амальфийскими, пизанскими, египетскими кораблями, которые торопятся укрыться в гавани Золотого Рога от грозных понтийских штормов или сельджукских пиратов. Пусть даже Николай Гумилев представлял в своей поэтической фантазии не столько реальную Анну Комнину, сколько каких-то иных византийских принцесс или императриц. Действительно, Анна Комнина Николая Гумилева в большей степени напоминает императрицу Феофану или императрицу Зою Порфирородную, чем талантливую дочь императора Алексея I. Однако поэт, как нам кажется, верно почувствовал трагический дух эпохи Комнинов, которая оказалась последним взлетом византийского орла перед окончательным падением империи в пучину политического упадка и национального порабощения.

Эпоха Комнинов, в отличие от последующего исторического периода, оставила нам многочисленные портретные изображения членов правящей династии, поразительные с точки зрения передачи индивидуальных личных черт. К глубокому сожалению, от Анны до нас не дошло ни одного портрета, который можно было бы безусловно интерпретировать

как принадлежащий великой принцессе. Мы знаем, как выглядели императрица Мария Аланская, императрица Ирина Дукена, императрица Ирина Венгерская, а внешность Анны Комниной сокрыта от нас мглой веков. Отсутствие портретного изображения Анны пытались компенсировать историки, влюбленные в принцессу и в ее творчество. Наиболее удачной попыткой создания литературного портрета Анны стал очерк французского византиниста Шарля Диля, опубликованный в его двухтомной работе «Figures Byzantines» (Византийские портреты). Своеобразным продолжением трудов Шарля Диля стали статьи переводчиков главной книги Анны Комниной — «Алексиады» — Бернарда Лейба и Я. Н. Любарского, а также ряд современных монографий, посвященных принцессе, авторами которых выступают преимущественно исследовательницы-женщины.

Действительно, Анна Комнина — явление во многом беспрецедентное для византийской культуры. Порфирородная принцесса императорской фамилии становится историком и затмевает на поприще служения Клио многих своих предшественников, следуя традициям Гомера и Геродота. Анна происходила из семьи императора, который был выходцем из военной аристократии. Между тем, в XI веке в Византийской империи уже активно формировался феномен, который приобретет наибольшее развитие в следующем, XII столетии и который можно было бы назвать милитаризацией и, одновременно, вестернизацией византийской военной элиты. Общеизвестным фактом является то обстоятельство, что победа Алексея Комнина над сторонниками Никифора III Вотаниата (1078–1081) в 1081 году стала окончательной победой провинциальной военной знати над столичным статским чиновничеством, хотя сам свергнутый император Никифор Вотаниат принадлежал к тому же самому социальному слою, к которому имел честь принадлежать и император Алексей I Комнин (1081–1118). Военные аристократические семьи, среди которых было много армянских фамилий, в свое время выдвинули таких блистательных полководцев как Иоанн Куркуас, Лев и Варда Фока в X веке, Георгий

Маниак, Катакалон Кекавмен и Григорий Бакуриани¹ в XI веке. Эти семьи дали империи таких императоров-воинов как Никифор II Фока (963–969) и Иоанн I Цимисхий (969–976). Вероятно, армянского происхождения была и Анна Далассина — великая мать Алексея Комнина.

Однако гораздо менее известным является тот факт, что сама византийская военная аристократия в эпоху императора Алексея Комнина испытывала интенсивное влияние западноевропейского рыцарства, что было, в частности, связано с постоянным наплывом в императорскую армию наемников из Западной Европы. Среди этих наемников важную роль играли норманнские рыцари — лучшие воины той эпохи. Рыцарская культура, распространявшаяся норманнами накануне Первого крестового похода по всему Средиземноморью, не была лишь простой суммой эффективных военных навыков и традиций². Эта рыцарская культура была тесно связана с активной социальной и политической ролью, которую играли в норманнском обществе женщины — знатные дамы³. К числу таких знатных дам относились, в частности, столь известные личности норманнского мира, как королева Англии и Дании Эмма Норманнская, супруга Роберта Гвискара Гаита или «императрица» Матильда, почти что ровестница Анны Комниной. Эта рыцарская культура во второй половине XI века находила интенсивный отклик в среде византийской военной аристократии, о чем свидетельствует история семейства Комнинов.

Анна Комнина, так же как и ее бабушка Анна Далассина или ее мать Ирина Дукена, была чужда старинных стереотипов греко-римского женского воспитания, которые живописует читателям в своем «Домострое» Катакалон Кекавмен. Разумеется,

---

¹ Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975. С. 28–33, 60–63 и др.; Шандровская В. С. Сведения об армянских деятелях по данным византийских печатей из коллекции Эрмитажа // Античная древность и средние века. 2015. Т. 43. С. 170–177.

² Nicolle D., McBride A. The Normans. London, 1987. P. 3–63.

³ Брюн С. Власть и положение франкской женщины на латинском Востоке // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 199–208.

сам по себе феномен участия женщин в политике не был для византийской политической культуры чем-то новым. Ранние византийские императрицы Пульхерия, Феодора I, Ирина, Феодора II прославились как государственные деятели. Императрица Феофано, супруга императоров Романа II (959–963) и Никифора II Фоки (963–969), затем дочери императора Константина VIII (1025–1028) Зоя и Феодора принимали активное участие в борьбе за власть. Однако именно представительницы династии Комнинов сумели по-настоящему вырваться из-под опеки своих мужей и братьев. Они обрели политическую субъектность, стали в известном смысле более независимы и, что самое главное, они активно осмысливали происходящие политические процессы.

Анна Комнина много писала о норманнах. Вожди норманнских рыцарей стали важнейшими действующими лицами «Алексиады», поскольку император Алексей I Комнин воевал с норманнами, но одновременно и привлекал норманнов на службу Византийской империи наряду с другими западноевропейскими наемниками — скандинавами и англосаксами. И хотя сама принцесса относилась к норманнам, как и вообще ко всем «франкам», с нескрываемым презрением, однако она явно была очарована миром норманнских рыцарей — миром жестоким и суровым, но миром, где превыше всего ценились такие качества как доблесть и честь. Потому этот мир очаровал Анну и стал предметом ее описания в «Алексиаде», пусть даже это описание имело место лишь в той степени, в какой оно было связано с контекстом событий, происходивших в Византийской империи.

Как известно, отец Анны Комниной император Алексей I не только сумел остановить процесс распада Византийской империи — казалось бы, обреченной после Манцикертской катастрофы, — не только смог отбить нападения норманнов, печенегов, сельджуков и половцев на империю, но перешел в наступление и предпринял византийскую реконквисту на территории Анатолии. В царствование императора Алексея Комнина Византия из неповоротливого бюрократического государства превратилась в динамично развивающуюся военизированную

Император Иоанн II Комнин и императрица Ирина Венгерская перед Богоматерью. Слева от императрицы Алексей Комнин — старший сын августейшей четы.

Мозаика из южного придела собора Святой Софии в Константинополе

империю, которая оставалась главной действующей силой в Восточной Европе и на Ближнем Востоке на протяжении практически всего XII века. Император Алексей мечтал короновать своего сына в Риме в качестве автократора Западной Римской империи⁴ и организовал брак Иоанна II Комнина с латинской принцессой Ириной Арпад, дочерью венгерского короля Ласло I Святого (1077–1095). Внук императора Алексея и племянник Анны Комниной император Мануил I Комнин будет дважды женат на латинских принцессах Берте Зульцбахской и Марии Антиохийской.

---

⁴ *Classen P.* Die Komnenen und die Kaiserkrone des Westens. Helmut Beuman zum 65. Geburtstag / Vorträge und Forschungen: Ausgewählte Aufsätze von Peter Classen. Sigmaringen, 1983. Bd. 28. S. 172–185; Die Chronik von Montecassino / Hrsg. von Hartmut Hoffmann. Hannover, 1980. S. 514.

Комниновская Византия преодолевает то чувство культурной исключительности, которое было характерно для придворной атмосферы периода правления Македонской династии⁵. И хотя сознание собственного превосходства над «западными варварами» по-прежнему составляет важнейший элемент самоидентификации ромея в творчестве Анны Комниной, однако достаточно просто сравнить то, какой прием был оказан императором Никифором II Фокой Лиутпранду, и то, каким образом принимал император Алексей I Комнин графа Роберта Фризского, Гуго де Вермандуа и Сигурда Крестonosца, чтобы осознать масштабы произошедших в XI столетии культурных изменений. Какую же роль сыграла в Комниновском возрождении описанная Анной вестернизация византийской военной и политической элиты? С нашей точки зрения, можно попытаться ответить на этот вопрос, рассмотрев подробнее образы византийских государыней и норманнских рыцарей, созданные Анной Комниной на основании личных впечатлений и воспоминаний современников. Исторические портреты Анны Далассины, Ирины Дукены, Марии Аланской, Руссея де Байоля, Роберта Гвискара, Боэмунда Тарентского, написанные Анной, создают галерею ярких личностей, под тем или иным влиянием которых протекало бурное царствование ее воинственного отца императора Алексея.

Общеизвестно, что историк должен избегать модернизации исторического процесса и анахронизмов в своих исследованиях, но, как справедливо полагал Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952), изучение исчезнувших цивилизаций неизбежно предполагает и даже требует определенных исторических сопоставлений, ибо, хотя социально-экономические условия, уровень технического развития, наконец, культура меняются с каждым столетием, однако человеческая психология за последние две-три тысячи лет осталась неизменной, а значит, возможен и поиск исторических параллелей в развитии тех или иных цивилизаций. То внешнеполитическое положение,

---

⁵ *Каждан А. П.* Византийская культура X–XII вв. СПб.: Алетей, 2006. С. 102–124.

в котором оказалась Византия накануне комниновского переворота 1081 года, поразительным образом напоминает периоды крушения византийской военной машины в 602 и в 717 годах. А блистательные результаты царствования императора Алексея Комнина, описанного его дочерью, вполне сопоставимы если не с результатами царствования императора Ираклия (610–641), который разбил сасанидские армии и спас древо Животворящего Креста⁶, но так и не сумел остановить нашествие арабов, то, по крайней мере, с итогами правления императора Льва III Исавра (717–741). Подобно Льву III, Алексей Комнин происходил из военной среды, был удачливым полевым командиром и талантливым стратигом, который умело сочетал воинское мастерство и дипломатический талант. Можно было бы сравнить, например, приключения Льва на Кавказе или хитрость, проявленную им при защите Амория⁷, с похождениями молодого Алексея в Каппадокии и с его хитроумной интригой, направленной против Русселя де Байоля. Подобно Льву III Исавру, Алексей Комнин спас Константинополь от прямой угрозы иноземного завоевания и сумел отбросить сельджуков и печенегов точно также, как Лев Исавр разбил арабов и стабилизировал границу с булгарами. Однако в эпоху Ираклия и Льва Исавра балканская граница Византии пролегла в восточной Фракии и в восточной части Пелопонесса, в то время как к моменту прихода к власти Алексея Комнина балканская граница располагалась по Дунаю. Византия была вынуждена держать на Балканах войска для обороны столь протяженной границы, атакованной печенегами и узами. При этом ни эпоха Ираклия, ни эпоха Льва Исавра не знали того грозного вызова с Запада, который пришлось принять Алексею

⁶ Kaegi W.E. *Heraclius Emperor of Byzantium*. Cambridge, 2003. P. 58–299; Speck P. *Das geteilte Dossier. Beobachtungen zu den Nachrichten über die Regierung des Kaisers Herakleios und die seiner Söhne bei Theophanes und Nikephoros*. *Ποικίλα Βυζαντινά* 9. Bonn, 1988. P. 364–366; Кулаковский Ю. А. *История Византии*. СПб.: Алетейя, 1996. Т. III. С. 27–160.

⁷ Speck P. *Kaiser Leon III., Die Geschichtswerke des Nikephoros und des Theophanes und der Liber Pontificalis*. T. I.: *Die Anfänge der Regierung Kaiser Leons III, Ποικίλα Βυζαντινά* 19. Bonn, 2002. S. 115–180.

Комнину как в годы норманнских войн, так и в период Первого крестового похода, предводители которого очень быстро нарушили свою клятву верности, данную императору Алексею в Константинополе. Латинская Европа «темных веков» не принимала в жизни Византии никакого участия, а варварские короли англосаксов, франков и лангобардов время от времени питались крохами с барского стола византийской образованности. В эпоху императора Алексея Комнина положение вещей радикальным образом изменилось. Теперь латинская Европа, обновленная благодаря походам викингов, представляла собой источник военной и культурной экспансии, и для противостояния этой экспансии — как, впрочем, и для удержания власти внутри империи — византийские императоры, начиная с Василия II (976–1025), нанимали скандинавов и немцев, а начиная со стратига-автократора Георгия Маниака (†1043), привлекали на службу империи норманнских рыцарей и франков. Алексей Комнин добавил в число подобных наемников англосаксов, не смирившихся с норманнским завоеванием Англии и сохранивших преданность Этгару Этелингу.

Можно также попытаться найти определенные, пусть поверхностные, но знаковые культурно-исторические аналогии времени императора Алексея Комнина и за пределами византийской истории. С этой точки зрения комниновское возрождение Византийской империи после серии военных поражений и гражданских войн 1070-х годов, связанное с именем императора Алексея I Комнина и блистательно описанное Анной, может отчасти напомнить отечественному читателю те процессы, которые происходили в русской истории XVII века после Смутного времени. Первые цари из династии Романовых — Михаил Феодорович (1613–1645) и Алексей Михайлович (1645–1676) — были вынуждены, подобно императору Алексею I Комнину, восстанавливать из руин авторитет царской власти и, одновременно, следовать по пути восприятия западноевропейской военной культуры, которая в итоге привела к серьезной социальной эволюции русского дворянства. Феномен византийского самозванчества, подробно описанный

Анной в «Алексиаде», в русской истории XVII века приобрел своего рода хрестоматийное воплощение. Историческим итогом русской вестернизации XVII века стало появление феномена царевны Софьи Алексеевны (1682–1689) — знатной русской женщины, вырвавшейся из-под душных сводов терема к вершинам власти, в то время как византийские принцессы из династии Комнинов с самого начала в большей степени напоминали в своей придворной и политической деятельности властных норманнских королей, нежели благообразных обитательниц гинекея. Русское государство после тяжелых военных поражений, понесенных при Иване Грозном (1547–1584), Борисе Годунове (1598–1605) и Василии Шуйском (1606–1610), в итоге сохранило свою политическую независимость, а затем одержало победу над Речью Посполитой в ходе Тринадцатилетней войны (1654–1667), точно так же, как и устоявшая в непрерывных войнах Комниновская Византия утвердилась в первой половине XII века в роли гегемона на Ближнем Востоке.

Вместе с тем приходится признать, что русская вестернизация XVII века достигла своего апогея в период царствования императора Петра Великого (1682–1725), который превратил Московское царство в Российскую империю и открыл своими реформами новую эпоху блистательного XVIII века. В то же время Комниновское возрождение, начавшееся с приходом к власти императора Алексея I Комнина в 1081 году, спустя век закончилось крахом Византийской империи: падением династии Комнинов в 1185 году, а затем в 1204 году завоеванием Константинополя крестоносцами. Чем же были вызваны столь различные результаты вроде бы схожих культурно-исторических процессов? По-видимому, они были обусловлены прежде всего тем, что Комниновская Византия, несмотря на феодализацию и вестернизацию, оставалась Восточной Римской империей — т. е. политической структурой, рожденной в недрах еще античного мира, но, при этом, в культурном отношении империя по-прежнему намного превосходила молодые романо-германские феодальные монархии. Поэтому та трансформация византийской общественной жизни, которая осуществлялась

при деятельном участии императора Алексея Комнина и его преемников, при всей ее внешней блистательности и динамизме оказалась недостаточной для выживания империи в новых исторических условиях, связанных с эпохой Крестовых походов. В то же время молодое Московское царство XVII века, изначально уступавшее Западной Европе культурно и технологически, пребывало в положении прилежного ученика, который вскоре, в эпоху императора Петра Великого, смог превзойти своего учителя на ратном поприще.

С момента выхода нашей последней книги «Император Алексей I Комнин и его стратегия» прошел год. Уже публично прозвучали комментарии как по поводу «случек эмигрантской философии и григорианской реформы» в наших работах, так и по поводу автора, пребывающего, по мнению комментаторов, «где-то в Чили»... В связи с этим мы бы хотели еще раз высказать искреннюю признательность и благодарность профессору Парванех Пуршариати (the New York City College of Technology), профессору Питеру Голдену (the State University of New Jersey Rutgers) и профессору Анатолию Михайловичу Хазанову (the University of Wisconsin-Madison) за те творческие беседы и личные консультации, которые помогли нам в исследовании культурных связей между кочевым миром евразийских степей и византийской аристократией при написании этой книги.

Настоящая работа является продолжением и, в определенной степени, дополнением нашей предыдущей монографии «Император Алексей I Комнин и его стратегия». Она посвящена специально Анне Комниной, точнее тому, как Анна изобразила культурно-исторический контекст своего времени. Как историк и политический деятель Анна занимает в настоящей работе центральное место. При этом в данную книгу вошли некоторые главы из нашего предшествующего исследования, которые были дополнены и расширены как с точки зрения привлечения новых источников и историографии, так и с точки зрения выводов.

Конец ознакомительного фрагмента